

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.6.7>

УДК 328.36

ББК 86.38я73

ЭВОЛЮЦИЯ МАСШТАБОВ И ЕДИНИЦ АНАЛИЗА ИСЛАМА И ПОЛИТИКИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Джабраил Гасанович Мирзаханов

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
Дагестанский государственный технический университет
mirzakhanov1962@mail.ru
просп. Имама Шамиля, 70, 367015 г. Махачкала, Республика Дагестан, Российская Федерация

Арбахан Курбанович Магомедов

Доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой связей с общественностью и рекламы,
Ульяновский государственный университет,
профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин,
Ульяновский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы (РАНХиГС)
armagomedov@gmail.com
ул. Л. Толстого, 42, 432063, г. Ульяновск, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется сложная эволюция различных подходов в исследовании и оценке процессов российской исламской трансформации в постсоветский период. Рассматривается логика и динамика изучения таких проблем, как исламское сознание и мусульманские институты, взаимоотношение ислама и национальных движений, формы и способы проявления исламского фундаментализма. Особо подчеркивается проблема адекватного описания исламского ренессанса в постсоветской России, включая синдром интеллектуального замешательства отечественного академического сообщества перед постсентябрьским (11 сентября 2001 г.) исламом. В центре исследования – методологическая новация, которая заключается в том, что усложнение постсоветского исламского социума привело к появлению потенциально плодотворных анализов, выполненных на базе многоуровневого подхода. Доказывается, что изменение формата и структуры посткоммунистической политики потребовало изменения формата и единиц анализа. В статье раскрывается характер дискуссии по поводу различного понимания таких явлений, как политизация ислама, а также феномен пограничного ислама в рамках многоуровневой методологии.

Ключевые слова: логика и динамика исследования исламо-политических проблем, многоуровневый подход, ислам, исламский фундаментализм, Россия, методология, политологический анализ.

Российское исламское сообщество не является однородным. Оно неоднородно по историко-конфессиональному, демографическому, социально-поселенческому и территориальному признакам. Этот самоочевидный факт с течением времени позволил многим говорить о феномене мусульманской регионализации. В терминах внутрироссийского пространственного разделения принято выделять Северо-Кавказский и Волго-Уральский мусульманские мезо-ареалы. В рамках данного разделения особенно популярным стал анализ исламского возрождения на примере двух наиболее ярких мусульманских регионов России: Дагестана и Татарстана. Компаративное исследование развития ислама в этих двух республиках стало распространенной темой в научных исследованиях отечественного мусульманства. Более того, данные региональные разновидности организации мусульманской уммы оценивались как модели для более макро-региональных исламских сообществ. Например, А. Малашенко весьма уверенно заявил о том, что «Дагестан является моделью Северного Кавказа» [13, с. 107]. Дагестанский социолог З. Абдулагатов осторожно допустил, что дагестанский ислам олицетворяет основные характеристики ислама на Северном Кавказе [1, с. 135].

Сопоставление этих двух исламских ареалов отражают наиболее очевидные различия в характере постсоветского мусульманского возрождения и политизации ислама. Д.Г. Мирзаханову удалось углубить выявление и понимание данных различий. Он, в частности, доказывает, что в России складываются разные исламы не только в плане государственно-мусульманских взаимоотношений, но и в плане взаимоотношений татарско-поволжского и кавказско-мигрантского религиозных общин. Данный вывод ставит под сомнение перспективу складывания единой российской мусульманской уммы. Это обстоятельство не только открывает возможность осмысления различных исламо-политических феноменов, но также делает в перспективе вероятной стол-

кновение разных исламов в Поволжье: татарско-старожильческого и мигрантско-кавказского [16, с. 96–99].

Для казанских исследователей при детальном изучении государственно-исламских отношений и такого интересного аспекта, как феномен мусульманского реформаторства в истории поволжского магометанства, более характерно акцентирование внимания на проблемах взаимоотношений татарского ислама и татарских национальных движений в постсоветский период. Это объясняется тем, что с начала 1990-х гг. мусульманский фактор начал активно использоваться как фактор политической борьбы различными элитными группами и националистическими организациями [18, с. 197; 21, с. 5–11].

Проблема эволюции исламского сознания и профессиональных институтов на примере различных российских регионов была исследована в работах Р.М. Мухаметшина, Р.Н. Мусиной, З.М. Абдулагатова [17, с. 112–113; 20, с. 404–414; 2, с. 12–82]. З.М. Абдулагатов предложил типологию верующих мусульман, обусловленную видами религиозного сознания. В процессе изучения типов мусульманского сознания особое внимание уделялось на определение факта, насколько верующий мусульманин расположен исполнять исламские религиозные предписания [2, с. 12–82].

После событий 11 сентября 2001 г. наблюдался стремительный рост интереса к проблеме ислама и политики. В центре особого внимания ученых и политиков оказались формы и способы проявления исламского фундаментализма. Интерес к данному сюжету был обусловлен обострившимися в постсоветские десятилетия проблемами религиозного экстремизма [7; 3, с. 13]. Однако политически мотивированные анализы и интерпретации только усугубляли понятийный хаос в рассмотрении исламо-политических проблем. Э. Кисриев критикует терминологическую путаницу в отношении исламского фундаментализма, особенно в отношении политических

дефиниций, которые дают самим себе и своим религиозным манифестам их авторы и основные участники [9, с. 106; 107].

Именно тогда российское научное сообщество столкнулось с проблемой адекватного описания исламского возрождения в постсоветской России. Можно даже говорить о том, что оно стало испытывать чувство интеллектуальной неуверенности перед исламом. Степень этой неуверенности высказал в свое время главный редактор журнала «Отечественные записки» В. Куренной, который вынужден был отметить, что по мере своего исследования, ислам все больше демонстрирует свойства «ускользающего объекта» [10].

Взлет популярности мусульманской тематики привел к появлению исламо-политической экспертизы и информационно-аналитической активности. Она характеризовалась ангажированностью и идеологизацией. Мы намеренно не будем затрагивать поднявшийся в России после 11 сентября 2001 г. вал исламофобии. Укажем в качестве примера на идеологически привлекательную, но несколько запутанную теорию «русского ислама», которая была разработана экспертами Центра стратегических исследований (далее – ЦСИ) Приволжского федерального округа (далее – ПФО) под руководством Сергея Градиrossovского. Данная концепция имела целью пиаровское сопровождение позиции первого полпреда президента в ПФО Сергея Кириенко о «мирном сосуществовании» между основными религиями в России. Культурологически расцвеченные выводы доклада декларируют «взаимную аккультурацию русской и исламской культур», «диалог с исламом в культурном пространстве» и прочие комплиментарные тезисы [6]. Доклад и его идеи вызвали большой резонанс. Не приходится удивляться, что некоторые экспертные и политические группы в России оценили идею «русского ислама» как провокацию.

Более широкий взгляд на мусульманское сообщество России как на сложное явление с множеством уникальных характеристик в самых разных сферах позволил известному российскому исламоведу А. Игнатенко обратиться к идеям неоклассицизма для лучшего понимания исламо-политических процессов. Речь идет об использовании в

первую очередь эмпирических исследований конкретных направлений, движений, течений, «возникающих и существующих в исламе как исламские» [8, с. 6].

Тогда же проявилась тенденция анализировать отечественные исламо-политические процессы в рамках еще более сложных подходов и ракурсов. Территориально-пространственный подход, описывающий феномен мусульманской регионализации, был тесно увязан с многоуровневой методологией к изучению и пониманию исламо-политических процессов. Мысль о «многоуровневой» природе современной мусульманской динамики, которая реализуется на четырех уровнях (глобальном, макро-региональном, национально-государственном, местническо-локальном) была озвучена А. Малашенко [14, с. 22–23].

В данном контексте весьма плодотворными и полезными с эвристических позиций можно считать результаты исследовательского проекта «Ислам и политика России: многоуровневый и сравнительный подход», который проводился с 2003 по 2006 гг. на средства Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологии Японии. Инициатором данного проекта был профессор университета Тохоку Сейити Китагава, а научным руководителем – известный специалист по России, профессор университета Хоккайдо Кимитака Мацузато. В рамках данной работы идеи многоуровневого и сравнительного анализа российского исламского сообщества были опробованы на четырех международных научных форумах, включая конгресс японского Общества исследований России и Восточной Европы и VII конгресс Международного совета по исследованию Центральной и Восточной Европы (ICSEES). Предлагая многоуровневую методологию познания российского ислама и политики, инициаторы проекта исходили из того, что глобализация дала толчок ускоренному развитию наднациональной и субнациональной регионализации. В сумме все это ведет к диверсификации уровней и структур власти. Это особенно актуально в свете того, что распад СССР повлек за собой не только дестабилизацию сложившейся системы международных отношений, но и обусловил процессы регионализации постсоветской России.

Сегодня становится очевидно, что аналогичная дезорганизация Ближнего Востока хаотизировала пространство Южной Евразии в начале XXI столетия, вызвав к жизни исламские движения, чья активность выходит далеко за пределы национальных государств [4, с. 53–59]. Ослабление власти центрального правительства и умножение политических уровней поощряло самостоятельность регионов и локальных акторов политического процесса. Признание данной тенденции позволило участникам проекта следовать многоуровневому подходу как новой и многообещающей перспективе в исследовании постсоветского ислама. Таким образом, изменение формата и структуры посткоммунистической политики потребовало изменения формата и единиц анализа.

Одной из главных новаций данного исследовательского проекта стало определение российской оси исламских координат в контексте мирового мусульманского развития. По мнению К. Мацузато, при исследовании исламской политики на уровне макроареалов ключевыми являются четыре характеристики: 1) местонахождение регионов; 2) мусульманский человеческий капитал, включающий в себя уровень исламского образования и исламские интеллектуальные ресурсы; 3) формирование локальной мусульманской идентичности; 4) политика региональных светских властей в отношении ислама. По сумме данных параметров К. Мацузато предложил модель мусульманского развития России, используя градацию «центр» – «полупериферия» – «периферия» исламского возрождения России в рамках мировой исламской динамики. Анализы К. Мацузато и А. Магомедова основаны на пространственном подходе к изучению всего волго-уральского ислама с упором на три базовые характеристики данного метода: расстояние и территориальная принадлежность, пути мусульманских коммуникаций, ресурсы. К. Мацузато делает акцент на ресурсном параметре исламской политики, исследуя мусульманское образование и стратегии региональных властей по формированию региональной идентичности с использованием значительного исламского компонента [15, с. 118–158]. Магомедов выбирает для своего анализа концепт «пути мусульманских

коммуникаций». С помощью данного концепта он осуществил компаративный анализ двух провинций, расположенных, по его мнению, на исламской периферии России: Астраханской и Ульяновской областей [12, с. 159–197]. Используя понятие «пути коммуникации», А. Магомедов и В. Викторин исследовали процесс политизации ислама в рамках мусульманских коммуникаций Каспийского и Каспийско-Поволжского мезо-регионов. В качестве отправной точки для данного подхода они использовали факт стремительно нарастающего миграционного давления с мусульманского «юга России» как на пограничные области, так и на «полумусульманские» регионы Поволжья и Урала. Авторы анализируют природу пограничного ислама, обусловленную каспийско-предкавказскими миграционными перемещениями и переселениями [11, с. 147–162].

Даже в рамках одного исследовательского проекта различные его участники выражали несовпадающие позиции в отношении основных исламо-политических процессов. Так, А. Магомедов и Н. Мухарьямов оценивают проект «русский ислам» с совершенно различных позиций. Аналогичным образом Н. Мухарьямов и Р. Галлямов по-разному подходят к проблеме политизации ислама. Так, Мухарьямов понимает под политизацией ислама текущую политическую субъектность мусульманских акторов, институтов и центров влияния. Исходя из такого понимания явления, Мухарьямов делает вывод о том, что политизация ислама в Поволжье не состоялась [19, с. 69–70]. К такому выводу автора подтолкнул анализ неудачного процесса мусульманской институционализации в России в виде попыток создания исламских политических партий. Одновременно им были выявлены сложности исламского возрождения в светском социуме Поволжья, включая ключевой мусульманский регион – Татарстан. Мухарьямов показал, что на этом фоне иницирование весьма неоднозначных проектов «русского ислама» и «евроислама» были обусловлены тем, что они представляли собой конъюнктурные попытки светских властей (в первом случае руководства Приволжского федерального округа, во втором – руководства Республики Татарстан) предложить оригинальные идеи, не опиравшиеся на

глубокую культурно-политическую традицию. Уфимский исследователь Р. Галлямов предлагает другое понимание политизации ислама. По его мнению, она заключается в следующих проявлениях: 1) умении руководителей светских властей апеллировать к исламским лидерам и общественности и использовать их в политических процессах на своей стороне; 2) протекционистской политике региональных светских лидеров по отношению к местным исламским общинам; 3) регионализации мусульманских сообществ, расколе единого прежде муфтията на различные фракции (в том числе локальные), борьбе за власть и ресурсы между российскими исламскими лидерами. Исходя из того что наличие всех этих проявлений налицо, Р. Галлямов делает вывод о том, что «политизация ислама в России уже состоялась» [5, с. 86].

Многообразие российского ислама, обусловленное региональными различиями, отмечает французский исследователь Ксавье Ле Торривеллек. Подчеркивая разнообразие «территориального» ислама, он выделяет не просто две конкретные мусульманские республики в лице Дагестана и Татарстана, но основные мусульманские территории России – Северный Кавказ и Урало-Поволжье. При этом французский автор делает весьма существенное замечание, говоря о том, что отечественное мусульманство нужно рассматривать не как «ислам в России», а как «российский ислам». Тем самым подчеркивается тот факт, что Россия является мусульманской страной, а мусульмане являются коренными жителями, а не пришлыми и чуждыми переселенцами. Другим важным замечанием является понимание «мусульманства» не только как вероисповедания, но и как принадлежности к культуре. Из этого автор делает два вывода. Первый: ислам является фундаментом самоидентификации и самоопределения мусульманских народов Северного Кавказа и Урало-Поволжья. Второй: несмотря на различные векторы развития российского исламского сообщества, включая радикализацию, несмотря на информационное и силовое давление со стороны государства, ислам остается фактором системного порядка и системной стабильности российского социума [22, с. 3–24].

Таким образом, многоуровневая модель, частью которой является концепт «мезо-регион», позволяет по-новому объяснить динамику пост-советских процессов. Она оказалась плодотворной для анализа исламских пространственно-демографических единиц, рожденных геополитическими потрясениями конца XX века. Выдвижение многоуровневого подхода можно рассматривать не только как признание реальных субъектов и единиц постсоветской мусульманской политики. В академических целях такое выдвижение предназначено для того, чтобы дисциплинировать изучение и понимание политических реалий, связанных со стремительным постсоветским исламским ренессансом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулагатов, З. М. Проблемы и тенденции становления современных государственно-конфессиональных отношений в России (на примере православия и ислама) / З. М. Абдулагатов. – Махачкала : ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006. – 211 с.
2. Абдулагатов, З. М. Ислам в массовом сознании дагестанцев / З. М. Абдулагатов. – Махачкала : ИИАЭ ДНЦ РАН, 2008. – 204 с.
3. Васильев, А. От рассвета до заката? Экстремизм как проявление кризиса цивилизаций / А. Васильев // Поиск. Еженедельная газета научного сообщества. – 2005. – № 6 (820). – С. 13.
4. Вилков, А. А. Родоплеменной и религиозный фактор в технологиях современных «цветных революций» (на примере Ливии) / А. А. Вилков // Известия Саратовского университета. Серия «Социология. Политология». – 2015. – Т. 15, вып. 1. – С. 53–59.
5. Галлямов, Р. Исламское возрождение в Волго-Уральском макрорегионе: сравнительный анализ моделей Башкортостана и Татарстана / Р. Галлямов // Ислам от Каспия до Урала: макрорегиональный подход. – М. : РОССПЭН, 2007. – С. 71–117.
6. Градиловский, С. Культурное пограничье: русский ислам / С. Градиловский // Альманах. Центр стратегических исследований ПФО, 2002. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a258.htm/> (дата обращения: 11.10.2009). – Загл. с экрана.
7. Игнатенко, А. От Филиппин до Косово / А. Игнатенко // Независимая газета. – 2000. – 12 окт. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ideas/2000-10-12/8_islam.html/ (дата обращения: 16.05.2012). – Загл. с экрана.
8. Игнатенко, А. Ислам и политика / А. Игнатенко. – М. : Институт религии и политики, 2004. – 256 с.

9. Кисриев, Э. Ф. Ислам и власть в Дагестане / Э. Ф. Кисриев. – М. : Нация и культура, 2004. – 224 с.

10. Куренной, В. Ускользящий предмет. Отечественные записки / В. Куренной. – 2003. – № 5 (14). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: www.strana-oz.ru/2003/5/uskolzyayushchiy-predmet/ (дата обращения: 04.10.2009). – Загл. с экрана.

11. Магомедов, А. Каспийско-предкавказский пограничный ислам: социально-религиозное «обновление» на периферии мусульманского мир. Центральная Азия и Кавказ / А. Магомедов, В. Викторин. – 2005. – № 5 (41). – С. 147–162.

12. Магомедов, А. Ислам и политика на полумусульманском евразийском пограничье: особенности локальной трансформации в Астраханской и Ульяновской областях. Ислам от Каспия до Урала: макрорегиональный подход / А. Магомедов. – М. : РОССПЭН, 2007. – С. 159–197.

13. Малашенко, А. Исламское возрождение в современной России / А. Малашенко. – М. : Московский Центр Карнеги, 1998. – 222 с.

14. Малашенко, А. Исламизм на все времена. Свободная мысль-XXI / А. Малашенко. – 2004. – № 12. – С. 22–23.

15. Мацузато, К. Дискурсы и поведение мусульманских деятелей Волго-уральского региона. Влияние региональных образов самовосприятия и стратегии областных администраций. Ислам от Каспия до Урала: макрорегиональный подход / К. Мацузато. – М. : РОССПЭН, 2007. – С. 118–158.

16. Мирзаханов, Д. Г. Модели исламо-политической трансформации в постсоветской России: Татарстан и Дагестан / Д. Г. Мирзаханов // Известия Саратовского университета. Серия «Социология, Политология». – 2015. – Т. 15, вып. 3. – С. 96–99.

17. Мухаметшин, Р. М. Динамика исламского фактора в общественном сознании татар 16–20 вв. (историко-социальный очерк) / Р. М. Мухаметшин // Современные национальные процессы в Республике Татарстан. – 1994. – Вып. 2. – С. 112–113.

18. Мухаметшин, Р. М. Официальные институты мусульман и общественно-политические организации и движения в Татарстане в 1990-е гг. / Р. М. Мухаметшин // Ислам в татарском мире: история и современность. – Казань : Панорама-форум, 1997. – 378 с.

19. Мухарямов, Н. Ислам в Поволжье: политизация несостоявшаяся или отложенная? / Н. Мухарямов // Ислам от Каспия до Урала: макрорегиональный подход. – М. : РОССПЭН, 2007. – С. 64–65.

20. Мусина, Р. Н. Ислам в массовом сознании татар / Р. Н. Мусина // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье. – Казань : Мастер Лайн, 2001. – 530 с.

21. Сафин, Р. Национальное движение и религия / Р. Сафин // Татарстан. – 1997. – № 4. – С. 5–11.

22. Торривеллек, К. Состояние и особенности «российского ислама» / К. Торривеллек // Записки аналитического центра «Обсерво». – 2013. – № 4. – С. 3–24.

REFERENCES

1. Abdulagatov Z.M. *Problemy i tendentsii stanovleniya sovremennykh gosudarstvenno-konfessionalnykh otnosheniy v Rossii (na primere pravoslaviya i islama)* [Problems and Tendencies of Modern Church-State Relations in Russia (on the Example of Christianity and Islam)]. Makhachkala, IIAE DNTs RAN Publ., 2006. 211 p.

2. Abdulagatov Z.M. *Islam v massovom soznanii dagestantsev* [Islam in Kazakhstani Mass Consciousness]. Makhachkala, IIAE DNTs RAN Publ., 2008. 204 p.

3. Vasilyev A. Ot rassveta do zakata? Ekstremizm kak proyavlenie krizisa tsivilizatsiy [From Dawn to Dusk? Extremism as a Manifestation of the Crisis of Civilizations]. *Poisk. Ezhenedelnaya gazeta nauchnogo soobshchestva*, 2005, no. 6(820), Feb. 11, p. 13.

4. Vilkov A.A. Rodoplennoy i religioznyy faktor v tekhnologiyakh sovremennykh “tsvetnykh revolyutsiy” (na primere Livii) [Tribal and Religious Factor in Technology of Modern “Color Revolutions” (on the Example of Libya)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya “Sotsiologiya. Politologiya”*, 2015, vol. 15, iss. 1, pp. 53–59.

5. Gallyamov R. *Islamskoe vozrozhdenie v Volgo-Uralskom makroregione: sravnitelnyy analiz modeley Bashkortostana i Tatarstana* [Islamic Revival in the Volga-Ural Macro-Region: a Comparative Analysis of Models of Bashkortostan and Tatarstan]. Matsuzato K., ed. *Islam ot Kaspiya do Urala: makroregionalnyy podkhod. Sbornik statey* [Islam from Caspian Region to the Urals: Macro-Regional Approach. Collected Articles]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007, pp. 71–117.

6. Gradirovskiy S. *Kulturnoe pogranichye: russkiy islam. Gosudarstvo i antropotok* [The Cultural Frontier Zone: Russian Islam. State and Anthropogenic Flow]. *Almanakh. Tsentri strategicheskikh issledovaniy PFO*, 2002. Available at: <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a258.htm/>. (accessed October 11, 2009).

7. Ignatenko A. *Ot Filippin do Kosovo* [From the Philippines to Kosovo]. *Nezavisimaya gazeta*, 2000, October 12. Available at: http://www.ng.ru/ideas/2000-10-12/8_islam.html/. (accessed May 16, 2012).

8. Ignatenko A. *Islam i politika* [Islam and Politics]. *Sbornik statey* [Collected Articles]. Moscow, Institut religii i politiki Publ., 2004. 256 p.

9. Kisriev E.F. *Islam i vlast v Dagestane* [Islam and Power in Dagestan]. Moscow, Natsiya i kultura Publ., 2004. 224 p.

10. Kurennoy V. Uskolzayushchiy predmet [Escaping Subject]. *Otechestvennye zapiski*, 2003, no. 5 (14). Available at: www.strana-oz.ru/2003/5/uskolzayushchiy-predmet/. (accessed October 4, 2009).

11. Magomedov A., Viktorin V. Kaspiysko-predkavkazskiy pogranichnyy islam: sotsialno-religioznoe "obnovlenie" na periferii musulmanskogo mira [Caspian-Caucasian Border Islam: Social and Religious "Update" on the Periphery of the Muslim World]. *Tsentralnaya Aziya i Kavkaz. Luleo, Shvetsiya*, 2005, no. 5 (41), pp. 147-162

12. Magomedov A. Islam i politika na polumusulmanskom evraziyskom pogranichye: osobennosti lokalnoy transformatsii v Astrakhanskoj i Ulyanovskoy oblastiakh [Islam and Muslim Politics on the Eurasian Frontier: Features of Local Transformation in the Astrakhan and Ulyanovsk Regions]. Matsuzato K., ed. *Islam ot Kaspiya do Urala: makroregionalnyy podkhod. Sbornik statey* [Islam from Caspian Region to the Urals: Macro-Regional Approach. Collected Articles]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007, pp. 159-197.

13. Malashenko A. *Islamskoe vozrozhdenie v sovremennoy Rossii* [Islamic Revival in Modern Russia]. Moscow, Moskovskiy Tsentr Karnegi Publ., 1998. 222 p.

14. Malashenko A. Islamizm na vse vremena [Islamism at All Times]. *Svobodnaya mysl-XXI*, 2004, no. 12, pp. 22-23.

15. Matsuzato K. Diskursy i povedenie musulmanskih deyateley Volgo-uralskogo regiona. Vliyanie regionalnykh obrazov samovospriyatiya i strategii oblastnykh administratsiy [Discourse and Behavior of Muslim Leaders of the Volga-Ural Region. Impact of Regional Images of Self-Perception and the Strategies of Regional Administrations]. Matsuzato K., ed. *Islam ot Kaspiya do Urala: makroregionalnyy podkhod. Sbornik statey* [Islam from Caspian Region to the Urals: Macro-Regional Approach. Collected Articles]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007, pp. 118-158.

16. Mirzakhanov D.G. Modeli islamo-politicheskoy transformatsii v postsovetskoy Rossii:

Tatarstan i Dagestan [Models of Islamic-Political Transformation in Post-Soviet Russia: Tatarstan and Dagestan]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya "Sotsiologiya, Politologiya"*, 2015, vol. 15, iss. 3, pp. 96-99.

17. Mukhametshin R.M. Dinamika islamskogo faktora v obshchestvennom soznanii tatar 16-20 vv. (istoriko-sotsialnyy ocherk) [The Dynamics of the Islamic Factor in the Social Consciousness of Tatars in the 16th-20th Centuries (Historical and Social Survey)]. *Sovremennye natsionalnye protsessy v Respublike Tatarstan*, 1994, iss. 2, pp. 112-113.

18. Mukhametshin R.M. Ofitsialnye instituty musulman i obshchestvenno-politicheskie organizatsii i dvizheniya v Tatarstane v 1990-e gg. [Official Institutions of Muslims and Socio-Political Organizations and Movements in Tatarstan in the 1990s]. *Islam v tatarskom mire: istoriya i sovremennost. Sbornik statey* [Islam in the Arab World: History and Modernity. Collected Articles]. Kazan, Panorama-forum Publ., 1997. 378 p.

19. Mukharyamov N. Islam v Povolzhye: politizatsiya nesostoyavshayasya ili otlozhennaya? [Islam in the Volga Region: the Politicization Is Failed or Delayed?]. Matsuzato K., ed. *Islam ot Kaspiya do Urala: makroregionalnyy podkhod. Sbornik statey* [Islam from Caspian Region to the Urals: Macro-Regional Approach. Collected Article]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007, pp. 64-65.

20. Musina R.N. Islam v massovom soznanii tatar. [Islam in the Mass Consciousness of Tatars]. *Islam i musulmanskaya kultura v Srednem Povolzhye. Sbornik statey* [Islam and Muslim Culture in the Middle Volga. Collected Articles]. Kazan, Master Layn Publ., 2001. 530 p.

21. Safin R. Natsionalnoe dvizhenie i religiya [National Movement and Religion]. *Tatarstan*, 1997, no. 4, pp. 5-11.

22. Torrivellek K. Sostoyanie i osobennosti "rossiyskogo islama" [Status and Characteristics of "Islam in Russia"]. *Zapiski analiticheskogo tsentra "Observo"*, 2013, no. 4, pp. 3-24.

EVOLUTION OF SCALES AND LEVELS OF ISLAM AND POLITICS ANALYSIS IN POST-SOVIET RUSSIA

Dzhabrail Gasanovich Mirzakhanov

Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor,

Department of Philosophy,

Dagestan State Technical University

mirzakhanov1962@mail.ru

Prosp. Imama Shamilya, 70, 367015 Makhachkala, Republic of Dagestan, Russian Federation

Arbakhan Kurbanovich Magomedov

Doctor of Sciences (Politics), Professor,
Head of Department of Public Relations and Advertising,
Ulyanovsk State University,
Professor, Department of Humanitarian and Natural Sciences,
Ulyanovsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
armagomedov@gmail.com
L. Tolstogo St., 42, 432063 Ulyanovsk, Russian Federation

Abstract. The article studies the basic and complicated evolution of different approaches for investigating Russian post-Soviet Islamic transformation. The authors describe the logic and dynamic of scrutinizing such kind of problems as Islamic consciousness and Muslim institutes, relationships between Islam and ethnic political developments, forms and manifestations of Islamic fundamentalism. In an effort to identify and assess the signs of post-Soviet Islamic revival, the Russian academic community has obviously been driven to despair. Especially since the tragedy of 9/11/2001 as a source of studying Islam as an evasive object. The main goal of this paper is the methodological innovation which consists in multi-layered approach. The authors argue that changes of parameters and structure of post-Soviet policy is reflected in the change of format and unities of analysis. The paper examines the character of academic discussion about different understanding of such political phenomena as politization of Islam as well as bordering Islam in terms of multi-level methodology. This methodology could be able to clarify very complicated Islamic features: socio-territorial organization, communication, and the reproduction channels. It alone will help us explain changing Islam as a social and political enigma. In this paper the authors have correctly identified the phenomenon of Muslim regionalization as a situation under which the Islamic leaders concentrate on religious development at the local level. It is not the authors' aim to discuss the forms of Islamic existence and its religious-teaching component. The authors favor the wider approach typical of political science in which there is a component of Islamic studies. This analysis has demonstrated that the multi-layered approach to Islam, which identifies its viable segments, has a considerable heuristic potential. This approach helps to understand the inner dynamics of the Islamic development as a complex social and political phenomenon. This reconfirms the old truth that the deeper the analysis goes into the past the more integral an image of reality it acquires.

Key words: logic and dynamics of studying Islam and political problems, multi-level approach, Islam, Islamic fundamentalism, Russia, methodology, political analysis.